

**СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ**

**ЭПОХА
ПОРЯДКА**

Валерий ШАРАПОВ

**Смертельный
кадр**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник — *Павел Магась*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Смертельный кадр / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Советская милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-210395-7

Начало семидесятых. В Москве на обочине Звенигородского шоссе обнаружен труп молодого мужчины. Опергруппе капитана Романа Савина удается установить, что погибший — профессиональный фотограф Илья Манюхов — занимался сомнительным бизнесом: шантажировал состоятельных мужчин компрометирующими снимками. Среди фотографий, сделанных Манюховым, Савин обнаруживает изображение девушки, чье тело год назад нашли закопанным на городском пляже. Неужели коварный шантажист причастен к ее смерти?.. Капитан еще не знает, что держит в руках нить, ведущую к по-настоящему страшным событиям...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210395-7

© Шарапов В., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

РУВД Краснопресненского района города Москвы обосновалось на улице Литвина-Седого. Свое название улица получила в 1957 году, обессмертив тем самым имя героя-революционера, героически проявившего себя на баррикадах в 1905 году. Почти правильной квадратной формы, с высокими зарешеченными окнами, серовато-белыми оштукатуренными стенами и низкой пристройкой размером в двадцать пять квадратов, здание районного управления милиции больше походило на пункт приема стеклотары, чем на оплот законности и порядка. Это было весьма странно, так как Краснопресненский район располагался почти в самом сердце столицы и в добротных, солидных зданиях недостатка не испытывал.

Предприимчивые сотрудники ЖЭКа в попытке облагородить вид, открывающийся из окон жилых домов, проявили чудеса изобретательности. Они обсадили дом высокорослыми деревьями, и с мая по октябрь здание РУВД укрывала шапка свежей зелени. Попасть к одноэтажному неприглядно-

ному зданию, скромно ютящемуся во дворах более высоких и солидных собратьев-многоэтажек, можно было двумя путями: со стороны Красногвардейского бульвара или со стороны улицы Подвойского.

О том, что за стенами скромного домика несут нелегкую службу советские милиционеры, сообщала неброская вывеска над массивной деревянной дверью, на которой по черному полю рассыпались золотые буквы. Неизменное изображение герба напоминало, что здание относится к госструктурам и гражданам с преступными наклонностями лучше держаться от него подальше. Законопослушным горожанам такое соседство приносило успокоение, ведь лозунг, брошенный в народ поэтом Маяковским: «Моя милиция меня бережет!» — в социалистическом обществе воспринимался вполне серьезно.

Сотрудникам районного управления их «второй дом» казался вполне уютным, а его расположение — удобным: близко к центру и в то же время скрыт от любопытных глаз. Чего еще желать? Разве что зарплату посolidнее да начальника помягче, но это уже из области фантастики. Старший оперуполномоченный уголовного розыска Роман Савин в свои неполных тридцать два фантастикой не увлекался. Он воспринимал жизнь вполне серьезно, так же относился и к работе в отделе по расследованию уголовных преступлений. Его непосредственный начальник майор

СМЕРТЕЛЬНЫЙ КАДР

Владимир Валерьевич Кошлов был человеком суровым, скорым на расправу, но справедливым, чего нельзя было сказать о начальнике Краснопресненского РУВД подполковнике Шибайло. Вот уж кому не помешало бы поучиться сдержанности и уважению к подчиненным.

Впрочем, капитана Савина и этот аспект милицмейской службы не слишком расстраивал. За восемь лет работы он сменил четыре отдела и на личном опыте убедился, что, как говорится, «бывает и хуже». Зато здесь, на Краснопресненке, ему повезло с напарником, а это в оперативной работе словно выигрышный лотерейный билет в «Спортлото» вытянуть. Конечно, у старшего лейтенанта Якубенко были свои недостатки: и поспать он любил, отчего частенько опаздывал на летучки, а Роману Савину приходилось изворачиваться, придумывая для напарника оправдания, и с начальством поспорить не прочь, сколько его за это ни ругай, и, чего греха таить, к женскому полу неравнодушен, хоть вот уже два года как счастливо женат. Но кто в этой жизни без греха?

При всех минусах старлея Якубенко, плюсы однозначно перевешивали. Работу свою он знал досконально, по той простой причине, что являлся потомственным опером. Его отец тридцать лет прослужил в том же Краснопресненском отделе и с малых лет таскал позднего, а оттого долгожданного сынишку на

«настоящую мужскую работу», пока шальная пуля заезжего гастролера-налетчика не прервала его жизнь. К тому моменту Саше Якубенко исполнилось шестнадцать, и он, несмотря на запрет матери, упросил начальника РУВД дать ему работу при управлении. К двадцати восьми годам он успел окончить школу милиции, получить место оперативника и обзавестись красавицей женой, но приходить на службу вовремя так и не научился.

Вот и этим утром Роман Савин, сидя напротив Кашалота (так за глаза оперативники называли майора Кошлова), моргал глазами и спешно придумывал задание, выполняя которое доблестный старлей Якубенко никак не мог присутствовать на еженедельном совещании. Утро понедельника майор всегда был не в духе, а в этот раз и подавно. Его законный отдых, который в кои-то веки пришелся на август, бесцеремонным образом прервали по причине путаницы в отчетности его отдела, и Кашалот готов был проглотить, прожевать и выплюнуть каждого, кто оказался хотя бы косвенно причастен к его внеплановому возвращению.

Дело, над которым работал их отдел, было успешно завершено еще в четверг, поэтому неопределенным объяснениям капитана Савина майор Кошлов не поверил ни на грош. Он выставил Савина из кабинета, приказав доставить ему Якубенко в теч-

СМЕРТЕЛЬНЫЙ КАДР

ние тридцати минут, иначе... Заканчивать майору не было смысла, потому что его подчиненные и так знали, чем страшна подобная угроза.

От назначенного времени оставалось всего пять минут, а Савин так и не нашел старлея. Он сидел в их общем кабинете за столом и яростно накручивал диск телефона. В квартире Якубенко, которую молодожены делили с тестем и его старухой-матерью, трубку никто не взял. На лодочной станции, с которой напарник частенько брал напрокат лодку, чтобы порыбачить на выходных, старлея не видели больше месяца. У школьного приятеля по прозвищу Барон Якубенко тоже не появлялся довольно продолжительное время. В запасе Савина оставался всего один телефонный номер — бывшей подруги старлея.

Он сидел с занесенной над телефонным диском рукой и раздумывал, стоит ли прибегать к крайним мерам и беспокоить «бывшую», которая, по сведениям капитана, до сих пор лелеяла надежду, что красавец старлей одумается и вернется к ней, когда дверь кабинета с шумом распахнулась и в дверном проеме появился виновник переполоха. Красавец брюнет с пышной шевелюрой, озорными искорками в карих глазах, пухлыми губами и синеватым отливом вечной, плохо поддающейся бритве щетины на щеках, он являл собой резкий контраст с блондинистым Савиным, обладателем серо-голубых глаз и строого-

го, пронизательного взгляда. В отличие от Савина, имеющего вполне стандартные размеры, Якубенко при росте метр девяноста два и широченных плечах едва проходил в дверной проем.

— Только ничего не говори! — завопил он с порога. — Если бы ты знал, каково мне пришлось в выходные, ты бы тут же велел мне рвать когти домой, а не просиживать штаны в казенном кресле.

— Кашалот вернулся, — негромко произнес Савин, и с лица Якубенко мгновенно слетела улыбка.

— Как вернулся? Он же в отпуске, — растерянно произнес он. — Разве три недели уже истекли?

— Отозвали, — пояснил Савин и, бросив взгляд на часы, быстро ввел напарника в курс дела. — На летучке пришлось сказать, что ты отработывал свидетеля по делу Кромаря, того, что не захотел сотрудничать. Пришлось ехать рано утром в Хамовники и потолковать с ним еще раз. Все понял? У нас ровно сорок секунд, чтобы успеть к Кашалоту «на ковер» в отведенный срок.

Последние слова Савин произнес уже в коридоре, напарника он тянул за собой. Тот еще не успел осмыслить ситуацию, но послушно плелся за капитаном. У дверей кабинета майора Кошлова он выдернул руку из цепкой хватки Савина и негромко произнес:

— Не дрейфь, капитан, все будет в ажуре.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ КАДР

Савин осуждающе покачал головой и открыл дверь.

— Разрешите, товарищ майор?

— Нашел? — Майор Кошлов оторвался от бумаг, разложенных на столе, и воззрился на Савина.

— Так точно, товарищ майор. Старший лейтенант Якубенко прибыл с задания, — отрапортовал Савин и сдвинулся в сторону, пропуская старлея в кабинет.

— Знаю я ваши задания, — ворчливо произнес майор Кошлов. — Да входите уже, хватит у порога топтаться.

Савин и Якубенко вошли и остановились у стены.

— Говорю же, проходите, — рассердился майор Кошлов. — Тридцать раз повторять приходится! Меня не было всего неделю, а вы уже успели распоясаться!

— Никак нет, товарищ майор, — бравым голосом проговорил Якубенко. — Мы всегда в форме.

— Особенно ты, Якубенко. — Кошлов фыркнул. — Ладно, на этот раз тебе повезло, разбор полетов отменяется.

Савин и Якубенко переглянулись, не понимая, с чего вдруг такая доброта, но дальнейшие слова майора все разъяснили.

— Поступил сигнал: на Звенигородском шоссе найден труп мужчины. Савин, отправляйся туда и выясни, с чем имеем дело. Идешь в пару к Альбер-

ту. А ты, Якубенко, на весь день поступаешь в распоряжение майора Трещикхиной. У нее сегодня день профилактики, так что без работы не останешься.

— Товарищ майор, за что? — Якубенко застонал. Майор Трещикхина всего несколько месяцев назад возглавила экспериментальный отдел по работе с трудными подростками района. За это время она подняла на уши весь личный состав Краснопресненского РУВД, заставляя милиционеров всех должностей и званий участвовать в сомнительных экспериментах. Этим она снискала себе сомнительную известность и прозвище «рыба-прилипала», а у майора Кошлова появился новый вид наказания: всех провинившихся он командировал под начало Трещикхиной.

— Молчать! — гаркнул Кошлов и добавил: — Чего стоим? Шагом марш на задание!

Якубенко и Савин тихонько ретировались. В коридоре Якубенко снова застонал:

— Вот ведь непруха. И откуда только эта Трещикхина взялась?

— Хорош стонать, — оборвал старлея Савин. — Ты хоть за дело отдуваться будешь, а вот мне за какие грехи Альбертик достался?

Альберт Фарафонов работал в отделе следователем и был не более почитаем, чем майор Трещикхина. В Краснопресненское районное управление Фара-

фонтов попал благодаря тестю, занимающему высокий пост в главке. Работой своей Фарафонов тяготился, но отказаться от должности никак не мог, так как опасался последствий со стороны своего масти того родственника, бывшего оперативника, до мозга костей преданного сыскному делу. Каждый раз, когда оперативникам приходилось работать под началом Фарафопова, они скрежетали зубами и всеми правдами и неправдами пытались от такого начальствования избавиться. Сам же Фарафонов старался брать на себя по минимуму, спихивая сложные дела на коллег, а в легких делах стараясь вылезти на толковых оперативниках, чтобы впоследствии пожинать лавры, как за собственные заслуги.

— Да, с Альбертиком тебе, конечно, не повезло, — посочувствовал Якубенко. — Ладно, не горюй, может, еще обойдется.

— Возможно, и обойдется, — согласился Савин. — Если меня ждет классический наезд, то Альбертик наверняка постарается свалить дело транспортникам.

— Всегда надо надеяться на лучшее, мой друг, — философски изрек Якубенко и, махнув напарнику рукой, свернул в боковой коридор, который вел к кабинету майора Трещихиной.

Капитан Савин проводил его тоскливым взглядом, вздохнул и направился к выходу. На подъ-

ездной дороге его ждал милицейский автомобиль. Новенький жигуленок модели 2101, всего два года как выпущенный с конвейера, обслуживал старейший водитель отдела, которого все без исключения сотрудники именовали не иначе как Митрич. Машины Митрич обхаживал так, как иной жену свою не обхаживал. Вот и сейчас он старательно натирал лобовое стекло, хотя оно и без того блестело, отражая теплые августовские лучи и рассылая их в виде солнечных зайчиков по всему двору.

— Здорово, Митрич! — Савин подошел ближе и протянул руку: — Как оно живет-ся-может-ся?

— Здоров, Роман. — Митрич переложил тряпку в левую руку и обменялся с Савиным рукопожатием. — Тебя, что ли, на Звенигородское везти?

— Меня и еще следователя Фарафонтова, — подтвердил Савин.

— О нет! — Митрич нахмурился. — Его ждать, так мы к обеду только со двора тронемся.

— Ничего не поделаешь, Митрич. Начальство приказало, наше дело подчиняться.

— Садись в машину, — подумав, произнес Митрич. — Сейчас я все улажу.

Митрич скрылся за дверью управления, а Савин послушно занял место на заднем сиденье. Пассажирское кресло рядом с водителем он, не желая нарушать субординацию, оставил для следователя. Через пару

СМЕРТЕЛЬНЫЙ КАДР

минут вернулся Митрич. Сел за руль, завел двигатель и, трогаясь с места, пояснил:

— Фарафонтов еще в прокуратуре, так что его Акимов сразу на место подбросит. Повезло нам с тобой, Роман, с ветерком домчим да еще и покалякать успеем.

Поболтать Митрич любил, особенно с оперативниками, у которых что ни день, то приключения. Всю дорогу до места происшествия Савин подробно рассказывал о том, как опергруппа ловила вора-рецидивиста по кличке Кромарь. Митрич попеременно то ахал, то качал головой, восхищаясь проворством оперативников ровно до той поры, пока машина не доехала до Звенигородского шоссе. Здесь Митрич сразу посерьезнел, сбавил скорость и начал рыскать глазами, будто надеясь первым обнаружить место происшествия.

— Съезжай на обочину, Митрич, — через какое-то время произнес Савин. — Вон на противоположной стороне дороги инспектор ГАИ. Там и труп.

— Почем знаешь? — не поверил Митрич. — Может, они просто операцию «Трезвый водитель» проводят.

— Нет, Митрич, они нас дожидаются, так что придется тебе кружок проехать, чтобы на место попасть, — сказал Савин. — А меня здесь высаживай, я пешком быстрее доберусь.